

ПРОБЛЕМА ТИРАНИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ ИТАЛИИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ МИЛАНА)

В. В. Стоклицкая-Терешкович

Переход от коммунального строя к тирании начался в Италии с XIII в., особенно со второй его половины. Тирания охватила период до XVI в. и распространилась в большей части Северной и Средней Италии. Ее ареной стала территория наиболее мощной коммунальной жизни — бассейн верхнего и нижнего течения По, Адды, Brentы, Пиавы, Арно и Тибра. За пределами этой территории, в аграрных областях, городские коммуны (обычно мелкие и незначительные города) подчинились господству феодалов. Это произошло в Пьемонте, Савойе, Соллюццо, Монферрате и других местах.

В буржуазной историографии существует несколько течений по вопросу о происхождении и социальной сущности тирании. Неоднократно высказывался взгляд, что главным инициатором и носителем ее были «толпы простонародья», опираясь на которые тиран лишал города их исторических вольностей и прав. Эта точка зрения отразилась уже в тенденциозных флорентийских хрониках XIV в., настроенных враждебно по отношению к восставшим чомпи. Они сообщают, что на последнем этапе восстания, когда партия Микеле ди Ландо готовилась окончательно раздавить его, у чомпи созрел план призвать во Флоренцию тирана в противовес правительству ди Ландо. Характерно, что в дружелюбно относящейся к чомпи хронике первого Анонима рассказ о призвании тирана отсутствует. Авторы трактатов XIV в., посвященных истории тирании, Бартолюс Сассаферато и Колючио Салютати останавливались на моральной оценке тиранов, различая два типа их: хороших и дурных, или, по их обозначению, синьоров и тиранов. У Макиавелли моральная характеристика тирана, интересовавшая писателей XIV в., совершенно исчезает. Он дает советы как добрым, так и злым правителям.

Наибольший интерес представляет для нас историография конца XIX и XX веков. В больших работах итальянских историков прошлого века, посвященных итальянской коммуне и синьории (например, в работах Карла Чиполлы и Франческо Ланцони¹), слабо освещаются характер и движущие силы периода, переходного от коммунального строя к тирании, и мало разработана проблема социальной сущности тирании. Внимание авторов сосредоточено главным образом на фактической стороне политических событий, заполнивших XIII—XV века. Они подчеркивают, что единоличная власть, носителем которой являлся синьор, была единственным выходом из внутренней и внешней борьбы, которую переживали итальянские коммуны. Синьор, по их мнению, был призван стоять над борющимися партиями и служить делу мира хотя бы путем применения крайних средств, отражая вместе с тем натиск внешних врагов, под которыми следует подразумевать другие городские республики и централизованные монархии.

¹ Carlo Cipollo. Storia delle signorie italiane del 1313 al 1530. Verona. 1881; F. Lanzoni. Storia dei comuni italiani della origini al 1313. Milano. 1882.

Идея синьора как носителя социального мира, как примирителя враждующих классов прочно укоренилась в буржуазной историографии. Один из самых видных ее сторонников, Альфред Дорен², утверждает, что тирания являлась единственным выходом из ожесточенной классовой борьбы, в которой ни один класс не мог выйти победителем, — именно поэтому синьория возникла в большей части городов Северной и Средней Италии после исчезновения императорской власти, когда открылся особенно широкий простор кипению политических страстей.

Чрезвычайно интересно, что в самое последнее время в западноевропейской буржуазной историографии возродилась концепция, приписывающая народным массам главную роль в создании тирании. Эта идея резко выражена в монографии современного английского буржуазного историка Клэрка «Средневековый город»³. Клэрк формулирует свой взгляд на происхождение тирании следующим образом: «Основной причиной подъема тирании была сила демократической тенденции, направленной против олигархической конституции коммун и приведшей к передаче народом власти деспотическому правителю». Патрициат итальянских коммун, состоявший из двух элементов, феодального и пополанского, был расколот изнутри и не мог оказать противодействия растущим народным движениям. Они одержали верх, ниспровергли олигархию, правившую в коммуне, и создали народное правительство в форме тирании.

Таким образом, победу тирании Клэрк отождествляет с победой демократии. В концепции Клэрка, как и в теории примирения классов через посредство тирании, явственно слышатся отзвуки классовой борьбы, потрясавшей западноевропейское общество в конце XIX и в XX веке. Эта концепция проникнута идеей, что народная масса — противница представительного образа правления и что тирания выдвинута ею как орудие защиты от угнетения ее органами господствующих классов.

В русской дореволюционной историографии нашли отражение те же течения, которые существуют в западноевропейской буржуазной историографии. Концепция, выводящая происхождение синьории из стремления народной массы стряхнуть с себя гнет высших классов, была провозглашена в дореволюционной России еще в начале XX века. Ее выразителем явился М. М. Ковалевский. В своей работе «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» Ковалевский пишет о тирании итальянских городов, что истинный носитель тирании был простой народ. И дальше: «Тирания была подготовлена недовольством простого народа правительством (коммуны. — В. С.-Т.), которое в руках торговых гильдий и ремесленных цехов нередко отождествляло интересы государства с интересами крупных фирм»⁴. Это правительство, по словам М. М. Ковалевского, вело войны и заключало договоры (то есть вело политику территориальной экспансии. — В. С.-Т.). Чтобы обеспечить господствующим слоям сбыт товаров, оно стремилось удерживать на низком уровне заработную плату трудящихся и запрещало цехи, примером чего может служить Флоренция. М. М. Ковалевский забывает, что ту же политику территориальной экспансии в интересах торгово-промышленных слоев и политику запрета цехов, но в гораздо более широких размерах, чем коммуны (коммуны, в сущности, в принципе не запрещали их), вела, как увидим ниже, тирания. Ковалевский идеализирует политику тирании по отношению к народной массе. По его словам, рабочий люд, не допущенный олигархией к участию в правлении, встретил «заботливость к своим нуждам и их частичное удовлетворение не от выборных властей

² A. Doren. *Italienische Wirtschaftsgeschichte*. Jena. 1934.

³ M. V. Clark e. *The medieval city state. An essay on tyranny and federation in the later middle ages*. London. 1946, p. 128—132 и др.

⁴ См. М. М. Ковалевский. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. I. 1906, гл. «Тирания в итальянских городах-республиках», стр. 365.

республики, а от временно упрочившихся в ней тиранов, например от герцога Афинского, который уже в 1343 г. своими приемами управления, проникнутыми враждебностью к олигархии и доброжелательством к низшим классам, в некотором смысле предварил деятельность Медичи... направленную к упрочению тирании...»

Факты опровергают эту концепцию. Заигрывание с рабочим людом, проявляемое авантюристом герцогом Афинским, М. М. Ковалевский истолковывает как искреннюю доброжелательность. Он упускает из виду рассказ хрониста Джованни Виллани, описывающий общее возмущение, которое герцог вызвал у населения Флоренции произволом и жестокостью своего правления, и восстание против него, вспыхнувшее меньше чем три месяца спустя после провозглашения его флорентийским синьором. В этом восстании, по словам хроники, участвовали не только гранды и разные прослойки богатых популянтов, но и простой народ, на который они главным образом опирались⁵.

М. М. Ковалевский отождествляет тиранию в итальянских городах с западноевропейским абсолютизмом. Попытка теоретического обоснования этой идеи принадлежит Ардашеву, работа которого «Абсолютизм в Западной Европе» появилась в 1902 году.

В статье А. Готлиба «Тирания», опубликованной в 1901 г. в «Энциклопедии» Брокгауза и Ефрона (т. 65), имеются черты, роднящие его теорию со взглядами М. М. Ковалевского. Поступательное движение демократических элементов А. Готлиб считает одним из факторов, создавших тиранию. «Промышленный люд итальянских коммун,— говорит он,— тяготея игом крупной буржуазии и вечными смутами, обыкновенно шел навстречу монархии». Как и Ковалевский, Готлиб сознательно идеализирует тиранию, но его концепция носит более комплексный характер, чем теория Ковалевского. А. Готлиб вскрывает ряд явлений социально-экономического, политического и международного характера, совокупное действие которых привело к тирании. Таковы «крушение империи, отсутствие папы (в авиньонский период), взаимное соперничество городов... появление наемных шаек (кондотьеры), борьба буржуазии с аристократией и, наконец, поступательное движение демократических элементов».

В русской историографии представителем идеи примирения классов в итальянских городских республиках через посредство тирании является А. К. Дживелегов. В статье «Италия», опубликованной в «Энциклопедии» Граната, А. К. Дживелегов развивает теорию итальянской коммуны и ее превращения в тиранию. Он различает три основных социальных слоя в населении коммуны: крупную «буржуазию» (придерживаемся его терминологии.— В. С. Т.), мелкую «буржуазию» и дворянство. Политически полноправными являлись только дворянство и старая «буржуазия» — будущие старшие цехи. Ремесленники политических прав не имели, но стремились к ним. Главная борьба развертывалась не между крупной и мелкой «буржуазией», а между крупной «буржуазией» и дворянством. Крупная «буржуазия» боялась, что победа дворянства приведет к олигархии знати, между тем как ремесленники претендовали лишь на скромное место в правительстве и не внушали крупной «буржуазии» подобных опасений. Правящая верхушка мудро мирилась с народной коммуной, и они мирно существовали рядом и приходили к взаимному соглашению в делах, касавшихся государства. В конце XIII в. обе коммуны во многих городах слились даже вместе.

Примирение крупной «буржуазии» с ремесленниками, как это называет А. К. Дживелегов, явилось сигналом к наступлению на дворянство. Местами, говорит он, против дворян были изданы исключительные законы, но это обстоятельство еще больше усилило их натиск на крупную

⁵ См. P. Orsi. La storia italiana narrata da scrittori contemporanei agli avvenimenti. T. II. 1896, p. 36—43.

«буржуазия». «Свободное примирение» между ними было невозможно. Примирительницей выступила сторонняя сила — тирания.

В концепции Дживелегова бросается в глаза сильнейшая переоценка роли борьбы между феодалами и богатыми горожанами. Она сочетается с огромной недооценкой движения народных масс. А. К. Дживелегов совершенно не учитывает своеобразных особенностей экономического развития Италии, приведших к тому, что политическое значение феодального сословия сильно пало там уже в XII—XIII веках. Уже одно это обстоятельство должно было ослабить наступление феодалов на богатые слои городского населения. С другой стороны, несостоятельно утверждение Дживелегова о «скромности» и непритязательности ремесленной массы итальянских городов, о рабском копировании ею форм коммуны высших слоев, о мирном сосуществовании двух коммун. Концепция Дживелегова противоположна концепции Клэрка, подчеркивающего огромное значение народных движений в процессе формирования тирании. Эта мысль Клэрка содержит верное ядро, хотя вывод его о том, что носителем и создателем тирании был народ, абсолютно неправилен.

Мы переходим к советскому периоду нашей историографии. В статье О. Вайнштейна «Италия», опубликованной в первом издании Большой советской энциклопедии, отстаивается взгляд, что главным носителем тирании была «буржуазия» (пользуюсь терминологией автора статьи, но считаю ее модернизацией, как и терминологию Дживелегова). Из содержания статьи явствует, что это следует понимать следующим образом: богатые горожане, материальному и политическому положению которых угрожал напор масс, отказались от олигархической формы правления в пользу единоличного правителя, способного оказать отпор массам. Главный носитель идеи тирании — богатые горожане. Эта концепция в гораздо большей степени соответствует исторической правде, чем идея создания тирании народом, но она все же, как мы увидим ниже, нуждается в значительном уточнении. Автор статьи считает, что тираны привлекли на свою сторону и имущие классы сельского и даже массы трудового населения. «Народные движения, игравшие столь значительную роль в жизни коммун, на некоторое время исчезли в период тирании». Пышные дворцы тиранов и их строительная деятельность доставляли заработок городским ремесленникам.

Такова в основном и точка зрения на тиранию, выдвигаемая коллективом авторов статьи «Италия», опубликованной во втором издании БСЭ, хотя в ней и нет элементов идеализации внутренней политики тирании.

Единственной исследовательской работой в советской историографии, посвященной проблеме тирании в итальянских городах, является диссертация Е. В. Бернадской «О возникновении тирании в Ферраре». Бернадская различает два типа синьорий: синьории, возникшие в городах со слабо развитым ремеслом, и синьории, возникшие в коммунах, представлявших сильно развитые торгово-ремесленные центры. К коммунам первого типа Бернадская относит большую часть городов Северной Италии. Типичным примером городов второй категории она считает Флоренцию. Города первого типа не были в состоянии сокрушить феодалов. Город и прилегающий к нему округ, связанные между собою обменом (Бернадская употребляет выражение «местным внутренним рынком»), образовали после превращения в синьорию один политический организм с преобладанием в нем феодальных элементов. В городах второго типа, как Флоренция, борьба между коммуной и феодалами привела к ослаблению последних, и коммунальный строй оказался жизнеспособным на долгое время. Сельскохозяйственный округ превратился в придаток могущественного города. Е. В. Бернадская избрала предметом своего исследования город со слабо развитым ремеслом, но с развитой посреднической торговлей — Феррару.

Диссертация Е. В. Бернадской, основанная на материале источников, ясно рисует борьбу гвельфской и гибеллинской партий, предшествовавшую тирании д'Эсте, и дает правильную, четкую характеристику внутренней и внешней политики феррарской тирании. Однако общие выводы автора вызывают возражения. Они ясно сформулированы в статье «Классовые основы ранней итальянской синьории», написанной на основе материалов диссертации⁷. В статье говорится, что «синьория — это диктатура феодального дворянства» и что большая часть синьорий Северной Италии, в том числе Милан, представляла собой такую именно диктатуру.

Этот вывод резко противоречит фактам, приводимым самим автором. Говоря о внешней политике семьи д'Эсте, она характеризует ее как тенденцию к крайней экспансии. Д'Эсте присоединили к Ферраре ряд областей и городов, в том числе Реджио и Модену, которые славились развитым ремеслом, и образовали «новый большой политический организм, простиравшийся от Адриатического моря до центральных областей Северной Италии». Как примирить этот факт с мнимым превращением феррарского города-государства в небольшой, по видимому, округ, где город и прилегающая к нему область были связаны «местным внутренним рынком»? Территориальная экспансия, проявлявшаяся уже в коммуне, отражает интересы не поместной феодальной знати, существование которой основывалось на сельском хозяйстве, а промышленно-торговых слоев общества. Из того, что Феррара утратила посредничество в левантской торговле, не следует, что она вообще перестала быть торговым городом. У нее, видимо, появились другие торговые направления.

Концепция тирании как феодального государства была высказана уже М. А. Гуковским, связывавшим тиранию с кондотьерством⁸, но он не дает никакого обоснования своим взглядам.

В учебнике истории средних веков (изд. 1952 г.) бегло высказывается мысль, что «страх городских верхов перед революционными выступлениями трудящихся масс привел к установлению диктатуры» (стр. 470—472), но и здесь эта мысль не обоснована.

В диссертации Е. В. Бернадской ценна мысль о значении ремесла для истории тирании. Однако для правильной постановки проблемы тирании необходимо учитывать не только степень развития ремесла в коммуне, но и роль массы ремесленников в ее истории, особенно в период перехода от коммуны к тирании, и подвергнуть эту роль анализу на основе конкретного исторического материала, тесно увязав ее с характером эволюции итальянской экономики в средние века и политического развития итальянских городов. Этот анализ может быть проведен, в частности, на материале Милана, превратившегося в самую крупную тиранию Северной Италии.

Главную роль в экономике Италии играла внешняя торговля между Левантом, с одной стороны, и странами Западной Европы — с другой, носившая не столько экспортный, сколько посреднический характер⁹. Главными носителями ее были Венеция и Генуя. Удельный вес внутренней торговли в жизни Италии был меньше удельного веса внешней торговли, а ремесло, включая сюда экспортную промышленность, занимало последнее место в экономике страны. Из предметов, производимых итальянскими ремесленниками, на внутренний рынок поступали шерстяные и шелковые ткани, оружие, изделия из камня, венецианское стекло, мозаика. Во

⁷ Е. В. Бернадская. Классовые основы ранней итальянской синьории. «Ученые записки» Смоленского государственного педагогического института имени Карла Маркса. Вып. II, 1953, стр. 62—81.

⁸ М. А. Гуковский. Итальянское возрождение. Т. I. Италия с 1250 по 1380 год. Л. 1947, стр. 161—167.

⁹ Характеристика итальянской экономики в средние века дана на основании нового сочинения Luzzato. Storia economica d'Italia, главным образом главы V и VI (стр. 239—299), и A. Dögen. Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena. 1934.

Флоренции и Милане уже в XIV в. существовала рассеянная мануфактура, а в Венеции и Генуе было развито кораблестроение, частное и государственное, требовавшее кооперации рабочих сил и больших капиталов. Производимые товары в гораздо большем количестве вывозились за границу, чем расходились внутри страны. Большая часть товаров, провозимых в разных направлениях через Италию, шла транзитом.

Преобладание внешней торговли, особенно транзитной, над внутренней имело важные последствия для политического строя Италии. Единый внутренний рынок не создавался. Он разбивался широким потоком товаров, шедших далеко за пределы Италии, в разные страны, или ввозившихся извне, из разных стран. Отсутствовала, таким образом, важнейшая экономическая предпосылка для создания единого централизованного государства. Естественно, что при таком состоянии экономики страны ремесленники должны были играть меньшую роль в политической жизни коммуны, чем купечество, особенно крупное.

Социальный состав городского населения Ломбардии подвергся в XII—XIII вв. большим изменениям. Возросло число живших в городах крупных феодалов. Это явилось результатом того энергичного наступления городских коммун на класс феодалов, которое развернулось в Северной Италии в XII веке. Происходило расширение коммунальной территории за счет феодальных владений. Оно осуществлялось либо путем завоевания городом нужных ему феодальных владений либо путем договоров с феодалами. Многие феодалы чувствовали себя бессильными защитить свои владения от непрекращавшихся посягательств на них городских коммун и от фойд соседних феодалов и предпочитали добровольно подчиниться какой-либо одной сильной коммуне, бравшей на себя обязанность защитить их, чем воевать со многими врагами. Условия подчинения феодала коммуне бывали различны, но в основе их лежала обычно присяга феодальной верности, которую феодал приносил коммуне.

Наряду с феодалами в итальянские города эмигрировало из деревень крестьянство. Эта эмиграция началась в Италии гораздо раньше, чем в других странах Западной Европы, в связи с ранним развитием здесь денежного хозяйства и усилением сопровождавшего этот процесс феодального гнета в деревне.

Количественно народная масса становилась в итальянских городах угрожающей силой. Но ни ее материальное, ни ее политическое положение не соответствовали ее численному значению и роли в производстве.

Несмотря на отмеченный выше рост промышленности и торговли в итальянских городах XII и XIII вв., не вся масса пришлого крестьянства могла быть поглощена ими. В портовых городах многие работали в гаванях как чернорабочие. Часть низших слоев населения была занята мелкой торговлей. Но все же оставалось и много безработных. В больших ремесленных городах, как Милан, было много цехов, организованных по признаку ремесленных специальностей.

Нося те же общие черты, что и во всей Европе, цеховая организация не достигла в Италии той крепости и силы и не приобрела той независимости, что в Германии и даже во Франции. В крупных центрах международной торговли, как Венеция, ремесленные цехи занимали приниженное положение и были очень ограничены в своей автономии. В городах, в которых центр тяжести экономической жизни лежал в промышленности, они пользовались большей самостоятельностью и временами добивались участия в управлении коммунами. Наибольшего политического значения добились цехи в крупнейшем промышленном центре Ита-

лии, Флоренции. Менее крупную, но все же заметную роль играли они в Милане, Болонье, Модене¹⁰.

Гораздо выше ремесленных цехов стояли купеческие цехи и объединения крупнейших купеческих цехов, обычно называемые «мерканцией». В Ломбардии в рассматриваемое время «мерканция» приобрела право контроля над большей частью ремесленных цехов. Она состояла из богатейшего купечества, входившего в состав правящего патрициата. Но наряду с этим купечеством в Северной и Средней Италии поднялся во время крестовых походов новый слой богатого купечества, не имевшего представителей в коммунальной коллегии консулов. В некоторых крупных ломбардских коммунах (Милане, Болонье, Пизе и др.) новое купечество добилось введения специального института так называемых купеческих консулов, представлявших его интересы. Однако эти новые консулы не входили в состав правящей коллегии патрициата. Новое купечество чувствовало себя поэтому обойденным и находилось в оппозиции к власти.

Абсолютно бесправна в политическом отношении была в огромном большинстве коммун только масса ремесленников — цеховая и стоявшая вне цеховой организации, а также примыкавшие к ней мелкие торговцы, чернорабочие и всякий бедный люд. Между тем именно эти люди, преобладавшие в составе городского населения, являлись главными плательщиками коммунальных налогов. Цеховые ремесленники шли во главе широкой народной массы, составляя ее передовой отряд, но не сливаясь с нею. К ним часто примыкали вначале и элементы богатого нового купечества, а порой и прослойка мелкой аристократии, сильно сблизившейся с торгово-промышленной городской средой.

Патрициат и высшие слои итальянских коммун все больше чувствовали непрочность своего положения. Волна народной ярости, вздымавшаяся вокруг правящих слоев, грозила обрушить их власть и уничтожить их привилегии. Коллегия консулов была бессильна защитить их от напора масс. Они испытывали необходимость заменить ее более сильной, единоличной, властью. Первым результатом этого стремления явилось создание ими должности подесты.

Патрициат имел в виду создать в лице подесты твердую единоличную, но подчиненную ему, патрициату, власть для отражения натиска народных масс. В теории конституция коммуны полностью сохранялась при подесте.

Действительность глубоко разошлась с теорией. Подесте предоставлялись очень широкие полномочия: гражданский и военный суд, командование военными силами коммуны, сношения с внешним миром. При этом ему давалось право не считаться с существующими коммунальными законами. В атмосфере непрерывных восстаний и волнений в городе и подвластных ему сельских местностях, которые подеста обязан был подавлять, власть его все больше возрастала. Срок его полномочий в ряде случаев удлинился до трех и даже до десяти лет. Должность подесты иногда становилась пожизненной, даже с правом передачи ее по наследству. Он превращался в неограниченного властителя, «синьора», так выражались современники.

Подесты вели борьбу между собой за обладание городами, завоевывали и захватывали их. Таковую политику вели в конце XII и первой половине XIII в. две семьи крупных феодалов Веронской марки — д'Эсте и Эццелино, происходившие из немецких феодалов. В их борьбу был замешан ряд городов — Падуя, Феррара и др. Охарактеризованное развитие подестата вело к развалу коммуны и к утверждению на ее развалинах тирании, осуществляемой подестой. Превращение подестата в ти-

¹⁰ Подробнее об этом см. в нашей статье «Проблема многообразия средневекового цеха» (сборник «Средние века», вып. IV).

ранию можно проследить на истории Равенны и Феррары (о последней шла уже речь).

Но не всегда развитие шло очерченным путем. В некоторых коммунах поднимались и достигали политической власти ремесленные цехи, но это имело место лишь как временный этап развития. Примером такой коммуны может служить Милан.

Милан представлял собой пункт скрещения международных торговых путей, ведущих в Италию из Швейцарии, Франции и Германии. Там же скрещивались итальянские пути, ведущие из Генуи, Венеции, Тосканы и с южного побережья Адриатического моря. Все это сообщило Милану значение важнейшего торгового города во внутренней Италии.

Но и миланская промышленность, игравшая значительную роль уже в XI в.¹¹, в конце XII и в XIII в. еще более возросла. Количество ремесленников и ремесленных специальностей было в Милане очень велико.

Факт широкого развития в Милане экспортной оружейной промышленности заставляет предполагать наличие там уже в XIII в. крупных предпринимателей, державших в зависимости от себя мелких мастеров.

Однако значение Милана как торгового центра было все же важнее, чем значение его как центра ремесленного производства.

В начале 90-х годов XII в. ремесленники добились в Милане значительного участия в избрании консулов¹². Но они не остановились на этом. Они стремились создать свою организацию. В 1198 г. действительно была создана особая организация, состоявшая из представителей всех ремесленных цехов Милана и получившая название Креденцы св. Амвросия.

Должность подесты существовала в Милане с 1186 г., но лишь альтернативно, а в некоторые годы и одновременно с консулатом. Общее собрание полноправных граждан, носившее в XII в. название Большого совета, перестало созываться в конце его и было заменено советом из 100—200—400, а иногда и 800 человек, созывавшихся подестой по его усмотрению.

По данным хроник, в конце XII — начале XIII в. в Милане существовали четыре политические партии: 1) Аристократия, или нобили, как они обозначаются в источниках. Это были капитаны, крупные вальвасоры и, повидимому, также и то богатое купечество, которое во время основания коммуны не было феодальным, но постепенно феодализировалось. Мелкая знать (так называемая Мота), сблизившаяся с торгово-промышленной средой Милана, не входила в состав партии нобилей. Нобили открыто объединились с архиепископом, который щедро раздавал им крупные феодалы. Уже один этот факт достаточно ясно говорит о том, что поместное хозяйство являлось главной материальной основой существования нобилей. Они снабжали население Милана зерном и другими сельскохозяйственными продуктами и, произвольно назначая на них цены, наживались в голодные годы на народной нужде. Их роль как военной силы начала падать уже в первой половине XIII в., еще до окончательного утверждения тирании в итальянских городах: уже в это время феодальная армия и городское ополчение начали постепенно уступать место армиям кондотьеров и наемников. 2) Мелкие вальвасоры, то есть мелкая знать, сблизившаяся с купеческой средой города и отказавшаяся от своих феодалов, но не отрешаясь от своего феодального происхождения. Это и была упомянутая выше Мота. 3) Купечество, не при-

¹¹ См. нашу статью «Классовая борьба в Милане в XI в. и зарождение миланской коммуны» (Сборник «Средние века», вып. V).

¹² Анализ классовой борьбы, развернувшейся в Милане в конце XII и в XIII вв., дан на основании трех хроник хрониста XIV в. Фламмы (Fiamma, он же Flamma): 1) *Manipulus fiorum*, 2) *Chronicon extravagans*, 3) *Chronicon major*. Первая хроника была опубликована Muratori в *ero Rerum italic., scriptores*, t. XII, вторая и третья в изд. A. Ceruti. *Miscellanea di storica italiani*. T. VII, 1869.

надлежавшее к патрициату, т. н. мерканти. 4) Креденца св. Амвросия, партия ремесленников. Было еще среднее купечество, не представлявшее особой партии. Хронист Фиамма обозначает его как «народ».

Партия нобилей была самой малочисленной. Фиамма насчитывает в ней в основном только 36 семей, которые он поименно перечисляет. К тому же ее подтачивали внутренние раздоры, происходившие в ее среде и неоднократно приводившие к ее расколу. Первый крупный раскол в этой партии произошел в 1241 г., когда от нее отделились и составили особую сильную партию четыре старые аристократические семьи с семьей де-ля-Торре во главе. За этой семьей шел народ, как говорит тот же хронист. В 1252 г. партия, образованная де-ля-Торре, в свою очередь, раскололась. Торреанцы остались верны народу. Остальные три семьи воссоединились с нобилеями. Имеются данные, проливающие свет на причину ухода семьи де-ля-Торре из партии нобилей: де-ля-Торре были крупными сукноторговцами и, что очень вероятно, раздатчиками работы ремесленникам шерстогацкого производства. Отсюда видно, что богатое новое купечество выходило не только из среды народа (пополанов) и из среды мелкой знати, но и из среды крупных феодалов. Это вполне оправдывает замечание Фиаммы, что у аристократии «в старину» (Фиамма жил в XIV в. и называет поэтому XIII в. стариной) не было никакого предубеждения против занятий торговлей¹³. При своей малочисленности партия нобилей могла рассчитывать на успех в развернувшейся в Милане в XIII в. классовой борьбе только при поддержке посторонних сил: императора, папы, тиранов других городов и т. д.

Партия Моты была в противоположность нобилеям очень многочисленна. Она образовала в XIII в. 500 крупных военных отрядов. Хронисты часто называют ее членов купцами, прибавляя «из числа Моты». Новое богатое купечество было менее многочисленно, чем Мота, но все же превосходило количество нобилей.

Очень многочисленную партию составляла Креденца св. Амвросия не только сама по себе, но и потому, что, как мы увидим, за нею шла вся армия неорганизованного трудового народа — нецеховые ремесленники, чернорабочие, мелкие торговцы. К тому же в разгар классовой борьбы, развернувшейся в Милане в XIII в., под знамена Креденцы св. Амвросия стеклись все недовольные элементы миланского общества — богатое новое купечество, среднее купечество и даже Мота. Рисуя эту борьбу, хронисты обычно противопоставляют два лагеря: лагерь нобилей и лагерь Креденцы.

Креденца св. Амвросия уже в начале XIII в. заняла определенное и видное место в правительстве Милана: она приобрела право суда, добилась того, что ей была предоставлена определенная часть городских доходов, и стала выбирать своего главу или лидера. Она повела наступление на консулат. Некоторые категории консулов были аннулированы, и их функции перешли к Креденце.

Положение подесты и весь смысл этой должности меняются уже в начале XIII века. В ожесточенной борьбе партий, которая особенно усилилась с 1198 г., подеста оказался бессильным отстаивать интересы патрициата. Другие боровшиеся партии стали выбирать своих подест, и термин этот стал означать главу какой-либо партии, сосредоточившего в своих руках сильную власть. В некоторые годы выбирали 2 подест, иногда 3—5, в 1212 г. было выбрано 12 подест. Таким образом, обе системы патрицианской власти, как консулат, так и подестат, уже в начале

¹³ Интересно отметить, что аналогичное высказывание мы находим в «Хронологических выписках» К. Маркса: «...в Италии только гораздо позднее дворянство начало считать торговые дела ниже своего достоинства и презирать промышленность и ремесла. Здесь первые следы такого пренебрежения (стали заметны) только в XIV веке и только в государствах, которые перестали быть торговыми». «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. V, стр. 267.

XIII в. оказались подточенными. Власть все более сосредоточивалась в руках консулов св. Амвросия. Под ударом Креденцы св. Амвросия аристократическое общество гальярдов (что означает по-итальянски упорные, смелые) вынуждено было покинуть Милан. В 1212 г. оттуда был изгнан весь ординарный клир миланской церкви — верная опора архиепископов, — а затем и все крупные феодалы. Несколько лет спустя они вернулись в Милан, но им пришлось еще не раз покидать город.

Походы Фридриха II Гогенштауфена в Ломбардию приостановили гражданскую войну в ломбардских городах. Милан стоял во главе тех коммун, которые оказали императору отпор. Наряду с народным ополчением в этой борьбе принимала большое участие Мота. Исключительное мужество проявил Пагано де-ля-Торре, известный раньше своим участием в издании закона 1194 г., ограничившего ростовщический процент по ссудам, чем он заслужил большую популярность в народе.

Сороковые годы были временем радикальных демократических реформ, проведенных партией св. Амвросия, и вместе с тем временем страстной партийной борьбы между нобиями и народом. Подестой от партии св. Амвросия был в конце 1240 г. избран Пагано де-ля-Торре с титулом протектора народа, но он умер в начале 1241 г., не успев осуществить намеченных реформ. После его смерти, в 40-х годах XIII в., Креденца св. Амвросия решила выбрать своим главою племянника покойного (Пагано) — Мартина де-ля-Торре, как человека, способного оказать отпор бешеному сопротивлению врагов народа намеченным реформам. Мартин де-ля-Торре стал обладателем высшей власти в народной партии. Ему был присвоен титул Анциана, то есть старшины, св. Амвросия. Но наряду с ним продолжали функционировать консулы Креденцы и подеста как подчиненные органы исполнительной власти. Это был один из важнейших моментов в истории преобразования миланской коммуны в синьорию. Ожесточенная классовая борьба и угрожающая позиция нобилей заставила партию ремесленников и примыкавших к ней слоев создать единоличный руководящий орган сильной власти. Но то не был всевластный синьор, обращавшийся обычно в тирана. Наряду с Мартином де-ля-Торре для решения важнейших дел продолжали созываться не только Совет, но и общенародное собрание.

Народ изнемогал под тяжестью налогов. Необходимо было принять чрезвычайные меры, чтобы облегчить их бремя. Казна была пуста и вынуждена оплачивать расходы и платить по долгам не монетой, а бумажными знаками. Это была форма государственного кредита. Но бумажные знаки теряли силу по истечении года, что грозило большими осложнениями бедному люду, погрязшему в долгах. В случае отказа кредитора принять в оплату долга у бедняков денежные знаки у них могли быть отняты их домики и имущество. В декабре 1240 г. состоялось постановление Совета, запрещающее конфискацию имущества у бедняков в таких случаях. Это было равносильно аннулированию мелких долгов. Был поставлен вопрос об обложении всех земель, принадлежавших как светским, так и духовным лицам, с перенесением центра тяжести налогов на богатых плательщиков и о необходимости провести подготовительную к этой мере общую инвентаризацию недвижимого имущества. К инвентаризации действительно приступили. Изменен был регламент республиканской казны. Назначено было два казначея — представитель от нобилей, то есть капитанов и крупных вальвассоров, и ставленник от народа. У каждого из них хранился ключ от казны.

За реформой финансов последовал декрет о торговле зерном и о фиксации цен на него. Эта функция находилась раньше в руках патрициата. Теперь были созданы специальные комиссии, на которые была возложена обязанность производить оценку зерна, продаваемого на рынках у ворот. Это значило, что, вырвав у патрициата значительную часть важных судебных функций, перешедших к Креденце св. Амвросия, и

исключительное право распоряжения финансами, народная партия лишила нобилей права произвольного назначения цен на зерно, которое привозилось в город из поместий, то есть возможности обогащаться в неурожайные годы за счет народной нужды и голода. Права архиепископа, уже до того урезанные, вновь подверглись сильному сокращению. На монастыри была возложена обязанность привозить зерно в город.

Раскол между борющимися партиями все больше углублялся. В городе уже происходили стычки между вооруженными отрядами народа и нобилиями. Аристократия по собственному желанию еще дважды покидала город.

Однако начиная с момента проведения Креденцой св. Амвросия радикальных реформ ее значение стало падать. Реформы отражали интересы широкого бедного слоя населения. Большая часть их наносила ущерб интересам не только феодальных, но и нефеодальных имущих слоев. Таково было прежде всего аннулирование мелких долгов. Такова была и продовольственная (так называемая аннонарная) реформа. Таков был и проект налоговой реформы. От Креденцы св. Амвросия стали отпадать ее временные союзники. Первой от нее отделилась Мота, воссоединившаяся с партией капитанов и вальвассоров, что чрезвычайно действовало их усилению, и образовавшая вместе с ними единый феодальный фронт противников народа. Несколько позднее от Креденцы отпало и новое купечество. Но семья де-ля-Торре осталась верна ей.

Аристократия объединила свои силы с силами Эццелино де-Романо, гибеллина, верного соратника Фридриха II, завоевавшего ряд городов в Северной Италии и занявшего в них положение тирана. Но расчет не оправдался. Эццелино потерпел в 1269 г. поражение в бою с армией образовавшегося в Ломбардии союза антигибеллинских городов. Властителем Милана остался Мартин де-ля-Торре.

Но нобили не сразу примирились с торреанцами. Они выступили против последних в союзе с папой, который сам хотел стать властителем Милана и всей Ломбардии, пользуясь слабостью империи и классовой борьбой внутри города. Каждая семья, возвышавшаяся в Милане, каждая сильная личность, покорявшая себе массы и бравшая в свои руки бразды правления, вызывали у папы недоверие и недоброжелательство. Как торреанцы, так и Эццелино были равно неуютны ему. По соглашению с миланскими нобилиями папа выдвинул для роли правителей род Висконти — старую аристократическую семью, принадлежащую к концу X в. к тому кругу феодальной аристократии, которая вместе с архиепископом правила городом, но ничем не выдававшуюся над общим уровнем аристократических семей. Это именно последнее обстоятельство и представляло в глазах папы большое преимущество Висконти перед другими кандидатами на роль носителей высшей власти в Милане. Архиепископский престол был в Милане вакантен с 1257 года. На эту должность папской властью был рекомендован Оттон Висконти, возглавивший миланскую аристократию. Но власть торреанцев была еще так велика, что Оттона не пустили в город. Только в 1277 г. ему удалось с помощью папы Григория X одержать над торреанцами решительную победу, открывшую ему дорогу в Милан. В 1287 г. по предложению Оттона Висконти капитаном народа в Милане был провозглашен его племянник Матео Висконти, получивший одновременно от германского короля Адольфа Нассауского звание королевского викария. Таким образом, Висконти утвердились в Милане при поддержке как со стороны гвельфов, так и со стороны гиббеллинов.

Партия торреанцев не сразу сложила оружие. Но лагерь ее потерпел сильный урон после присоединения Моты к партии нобилей и ухода нового купечества из лагеря Креденцы. В 1310 г. император Генрих VII помог семье Висконти восстановить свою власть.

С тех пор начинается продолжительное, почти полусторостлетнее правление династии Висконти в Милане. Под их властью миланское государство стало тиранией.

Идея тирании была выдвинута патрициатом. Она восторжествовала с утверждением в Милане семьи Висконти, происходившей из старой феодальной аристократии. Казалось бы, такой исход классовой борьбы, развернувшейся в Милане в XIII в., означал победу реакционной феодальной знати. Но это было не так. Выдвижению Висконти чрезвычайно содействовали временные союзники Креденцы св. Амвросия, отколовшиеся от нее после проведения ею радикальных реформ. Это были в основном торгово-промышленные слои миланского населения, игравшие наибольшую роль в экономической жизни Милана. Они не могли беспрекословно подчиниться руководству кучки феодалов, составлявших раньше патрициат, и должны были потребовать от Висконти политики, отражавшей торгово-промышленные интересы. Висконти усвоили эту политику. В этом была их сила. Это было причиной прочности и долговременности их власти. Такая политика соответствовала всей прошлой социально-экономической эволюции Милана и многих других североитальянских городских республик. При Висконти территориальная экспансия Милана, начавшаяся еще во времена коммунального строя и направленная в основном к расширению рынка, получила мощный толчок вперед. В конце XIV в. миланская тирания путем все новых захватов и завоеваний охватила большую часть территории Ломбардии. Милан стал герцогством. Его торговля — международная и внутренняя — сильно возросла, чему очень содействовала сеть каналов, проведенных как до Висконти, так и при них¹⁴.

Наряду с торговлей в миланской тирании развивается и производство. Возрастает экспорт бумазеи и сукна в Германию. Экспортируются льняные ткани и оружие. Развивается и рассеянная мануфактура в области текстильного производства, притом не только в городах, но и в сельских местностях (особенно на берегу озера Комо). В XV в., при последних Висконти и особенно при Франческо Сфорца, захватившем власть в миланском герцогстве после смерти последнего Висконти, ясно проявились характерные черты меркантилистской политики. Была выработана система запретительных и охранительных пошлин для поощрения ввоза сырых материалов и экспорта готовых промышленных изделий. Одновременно задерживался импорт из-за границы предметов обрабатывающей промышленности, могущих конкурировать с миланскими.

Приведенные факты показывают, что тирания в Милане, выдвинутая патрициатом, стала выразительницей интересов и нужд торгово-промышленных слоев города.

Значение высших слоев феодальной знати, сильно подорванное уже в XII в. успешным наступлением городских коммун на феодалов, еще больше пало с переходом от системы феодальных и городских ополчений к характерной для тирании системе наемных армий. Знать стала занимать высшие должности при дворе тирана и в высшем управлении. В числе советов, которые Н. Макиавелли дает в своем «Государе», обращает на себя внимание следующий: государь должен стремиться снискать расположение народа, но может не считаться с настроениями знати, ибо людей знатных так же легко устранить от должности, как легко их было назначить. Мы полагаем, что Н. Макиавелли следовал терминологии средневековых итальянских хронистов, относя к народу купечество.

Тираны, особенно Джан Галеаццо Висконти, стремились сосредоточить промышленность и торговлю в главном городе государства и уде-

¹⁴ Большой материал, характеризующий международную торговлю и промышленность Милана при тирании Висконти и Сфорца, содержит двухтомная монография A. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien. Leipzig. 1900. Т. I, S. 173, 396, 439, 554—578 и другие.

ляли внимание и сельскому хозяйству главным образом в интересах снабжения городского населения сельскохозяйственными продуктами.

Экономический прогресс, которым отмечено правление тиранов, не дает, однако, никакого основания для идеализации существовавшего при них строя. Правление тиранов было чрезвычайно далеко от демократизма. Внешне старые республиканские формы правления сохранялись, но не соблюдались. Характерными чертами их правления являлись: произвол и жестокость не только самих тиранов, но и подчиненной им администрации, тяжелый налоговый гнет, падавший преимущественно на низшие слои населения, бесконечные войны, вызванные экспансией, грабеж народных масс солдатчиной, нищета народа и, как поразительный контраст с нею, пышность и роскошь придворной жизни тирана. Конспектируя «Всемирную историю» Шлоссера, К. Маркс писал: «В конце XIV в.— волнения во Франции, Англии и Германии, связанные с борьбой городского сословия за свободу, а в это же время в Италии тираны и наемники в кровавой борьбе подавляли свободу городского сословия»¹⁵. В то же время многие тираны прославились как меценаты. Купеческие корпорации, как мы видели, существовали при тиранах, но всякое проявление самостоятельности народных масс неукоснительно преследовалось. Запрещалось ношение оружия, образование союзов, в том числе цехов и заговоров, сборища в публичных местах и даже церковные собрания. Восстания жестоко подавлялись. Миланские тираны, особенно Джан Галеаццо Висконти, стремились к централизации государства. Они боролись с партикуляризмом городских коммун и с партикуляризмом феодалов. В коммуны назначались подесты из центра. Коммунальные финансы строго контролировались. Феодалские замки, не обладавшие общегосударственным стратегическим значением, безжалостно разрушались. Но политика централизации не увенчалась успехом даже при Джане Галеаццо, проводившем ее с большей планомерностью, чем другие члены семьи Висконти. Она нарушалась войнами и хронической неурядицей, царившей в герцогстве. Государственные финансы находились в состоянии хронического расстройтва. Недостаток средств восполнялся произвольной конфискацией имущества у граждан. В судах царило беззаконие. Кодификация законодательства, предпринятая Джан Галеаццо, не устранила этого явления¹⁶.

Мы указали на слабость ремесленной массы как на одну из основных причин того, что в итальянских городах в противоположность городам Германии цеховой режим существовал кратковременно. Но это не было единственной причиной победы тирании в итальянских коммунах. Тирания могла сложиться лишь в такой политически совершенно раздробленной стране, какой была в средние века Италия: сильная центральная власть не допустила бы ее. Бесперывные войны итальянских городов между собой также содействовали укреплению тирании, но они сами отражали децентрализацию страны.

Однако ремесленная масса, главным образом цеховая, сыграла огромную роль в классовой борьбе, развернувшейся в итальянских городах в период, протекший между разложением консулата и оформлением тирании. Она тормозила и задерживала утверждение тирании. Этим объясняется, что тирания раньше всего восторжествовала в тех городских коммунах Италии, где ремесленная масса была немногочисленна и слаба, как в Ферраре (в 1242 г.) и в Генуе (в 1257 г.), и значительно позже в тех из них, где она была многочисленна и сильна, как в Болонье. В Генуе первым синьором, пользовавшимся неограниченной

¹⁵ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. VI, стр. 64.

¹⁶ Очень преувеличенная оценка административных реформ Джан Галеаццо Висконти дана в монографии кембриджского историка de Mesquita (1941) «Giangaleazzo Visconti». Гораздо более трезвая и критическая оценка их дана в статье итальянского историка Nino Valeri. Lo Stato visconteo. «Nuova Rivista Storica». 1935.

властью и титулом «народного капитана», был член богатой купеческой пополанской семьи Гульельмо Бокканегра. Тирания сохранилась в Генуе до позднего средневековья. В 1239 г. она получила обозначение пожизненного, или «вечного», догата. Первым вечным дожем был Симоне Бокканегра, правнук Гульельмо. Политика тирании в Генуе была подчинена интересам широкой внешней торговли.

В Болонье цехи сумели, изгнав в 70-х годах XIII в. аристократию, установить цеховой режим. После подчинения Болоньи папской власти (в конце XIII в.) цехи вынуждены были уступить место тирании. Классовая борьба в Болонье носила в XIV—XV вв. очень сложный характер, еще не исследованный с марксистской точки зрения.

Очень поздно поднялась тирания во Флоренции с ее высоко развитым ремеслом и многочисленной ремесленной массой. Тирания утвердилась там в то время (в конце XIV в.), когда значение ремесленного производства в экономике города уже заметно пало¹⁷. Она привела к власти круги банкового капитала (Медичи) и приобрела там более мягкие формы, чем в других итальянских городах.

Единственным городом-государством Северной Италии, сохранившим в течение всего средневековья олигархический строй и не знавшим тирании, была Венеция. Причиной этого было сосредоточение огромного капитала, необходимого для международных торговых сношений Венеции, в руках небольшого количества представителей богатейшего купечества.

Подведем вкратце итоги. Основным фактом, приведшим к созданию крупнейшей тирании в Северной Италии — миланской, — был нажим народных масс на богатые правящие слои. Инициатива создания тирании принадлежала патрициям. В своем окончательно оформленном виде миланская тирания явилась выразительницей интересов высших торгово-промышленных кругов. Объективно, с точки зрения развития производительных сил, она представляла собой прогресс; глубоко неправильно, однако, идеализировать ее отношение к народным массам. Тирания влекла за собой их жестокое угнетение. Тирания никогда не опиралась на народные учреждения: она уничтожала их. Теория создания тирании народными массами и примирения ею классовой борьбы означает фальсификацию истории.

¹⁷ Об этом свидетельствует сопоставление данных о размерах шерстоткацкого производства во Флоренции в 1336—1338 гг., приведенных в хронике Виллани, с соответствующими данными за 1381—1382 гг., приведенными Дореном. См. A. Doren. Studien zur Florentiner Wirtschaftsgeschichte. Bd. I, S. 527.